

САМОЗВАННЫЕ СТАРЕЙШИНЫ

На-днях попалась мне в руки брошюра: «К сербам. Послание из Москвы». Под посланием этим выставлены подписи: «Алексей Хомяков, Михаил Погодин, Александр Кошелев, Иван Беляев, Николай Елагин, Юрий Самарин, Петр Бессонов, Константин Аксаков, Петр Бартнев, Федор Чижов, Иван Аксаков»; на другой странице те же подписи выставлены в сербской форме, — например, «Георгие Самарин, Иован Аксаков» и т. п.; послание напечатано на двух языках — в русском тексте и в сербском переводе. Набор подписей показывает, что брошюра хочет являться перед сербами выражением мнений не отдельного лица, а целой группы русского общества или и целого русского общества. Это заставляет нас обратить на нее внимание¹.

Послание писано в 1860 г. по поводу того, что в сербском княжестве народ, прогнав прежнего князя, изменявшего национальным интересам, возвратил власть Милошу, своему любимцу². Лица, подписавшие послание, поздравляют сербов с этою переменою и говорят, что радуются за них, как за своих кровных братьев: «для нас, сербы (говорят подписавшиеся лица), вы земные братья по роду и духовные братья по Христу. Нам любезен ваш наружный образ, свидетельствующий о кровном родстве с нами; любезен язык, звучащий одинаково» и т. д., — далее, быть может, и все верно, но в приведенных строках есть странная вещь. Каждому известно, что сербский тип вовсе не сходен с русским. Мы, русские, то есть народ, занимающий бессейны Волги и Оки с прилежащими странами, — мы люди белокурые, широколицые, а сербы — народ смуглый, с римскими носами. Сербь больше похожи лицом на итальянцев, чем на нас; мы более похожи лицом на финнов или даже на немцев, пожалуй, хоть на шведов или англичан, чем на сербов. Что мы с сербами кровные братья, это правда; но зачем же подтверждать правду ссылкой на сходство по лицу, которого нет? — По сочувствию к вам, сербам, продолжают подписавшиеся, «да будет позволено нам, вашим братьям, любящим вас любовью глубокою и искреннею, обра-

таться к вам с некоторыми предостережениями и советами. Мы старше вас в действующей истории», — здесь опять надо приостановиться. Во-первых, что это такое *действующая* история? По-русски понять нельзя, справимся с сербским переводом; в нем сказано: «ми смо стариј одь вась у историји», то есть просто: «мы старше вас в истории», ну, это понятно. Однакоже, как это мы, русские, старше сербов в истории? Ведь на самом-то деле сербы являются в истории несколькими веками раньше, чем мы. Справьтесь-ко у Шафарика³, когда начинают упоминать о сербах византийцы? Нехорошо хвастаться старшинством, когда сам моложе. Или «глубина и искренность любви» состоит в самохвальстве и в желании сделать младшим перед нами того, кто старше нас и кого мы уверяем в своей любви? Не прикрывается ли тут именем любви просто кичливость?

Итак, подписавшиеся, неосновательно присвоив себе старшинство, начинают давать сербам предостережения и советы не как равные равным, а как старшие младшим. Посмотрим, каковы эти предостережения. Первое направлено — против чего бы вы думали? — против гордости. «Первая и величайшая опасность» для сербов, по мнению подписавшихся старейшин, «заключается в гордости». Для человека, как и для народа, возможны три вида гордости: гордость духовная, гордость умственная и гордость внешних успехов и славы. «Во всех трех видах она может быть причиною совершенного падения человека или гибели народной, и все три встречаем мы в истории и в мире современном». Вред гордости духовной можно видеть на нынешних греках; от умственной гордости погибают «все западные народы: ослепленные своими успехами, они сделались вполне равнодушными к высшему благу — вере» — позвольте, здесь опять надобно остановить вас, гг. старейшины. Какой же это из западных народов сделался «вполне равнодушен» к вере: немцы ли, у которых протестантская часть в своей массе так набожна, а католическая во всем слушается своего духовенства? в Баварии или в Тироле нашли вы равнодушие к вере? или равнодушны к вере англичане или ирландцы? да и в самой Франции масса поселен разве не в руках клерикальной партии? Нет, господа старейшины, слишком еще рано вам говорить о равнодушии к вере в массах западных народов. Скорее можно было бы находить и на Западе в массах излишек сектантской нетерпимости и суеверия. Напрасно вы рассказываете сербам неправду. Но слушаем далее: они (речь идет о всех западных народах) «сделались врагами человечества», — да, именно так и напечатано на стр. 14. Это нехорошо; но заглянем в сербский перевод, так ли там. «Они су постали неприятельи човѣчанства» — да, и по-сербски то же самое. Вот это уже очень дурно. Говорить дикие пошлости в своем домашнем, русском кругу, — это бы еще ничего: русские

знают, что думать о г. Погодине и его товарищах; но что, если сербы, услышав от них такую фразу, почтут их за представителей русского образа мыслей? Ведь мы станем в глазах сербов страннее китайцев. Продолжаем слушать самозванных старейшин. «Горький опыт слишком ясно доказал славянам», по словам старейшин, что все западные народы враги человечества. Но итальянцы, португальцы, испанцы, французы, бельгийцы, англичане, шотландцы, ирландцы, датчане, норвежцы, вероятно, ведь тоже западные народы; когда же какой вред делали они славянам? Умысел тут был, очевидно, на одних немцев; так зачем же было приплетать к ним все западные народы? Ведь эдак я, пожалуй, скажу, что все азиатцы говорят по-арабски или что вся Америка говорит по-испански. Что же за охота рассказывать пустяки.

Но, охаявши все западные народы, наши старейшины впадают в раскаяние: мы, говорят они, «не можем скрыть и своей вины»: мы гордились своею «вещественною силою, которою мы были отличены перед другими народами, и не думали о духовном усовершенствовании»; но теперь, прибавляют они, «мы покаяться» и обратились к «смирению». А если «обратились», так что же вы суетесь к другим с своими советами и предостережениями? Разве покаяние и смирение состоят в том, чтобы напрашиваться в советники и руководители? «Нашим нечистым рукам не предоставил бог совершить чистое дело облегчения участи» юго-восточных славян. Ну, коли руки у вас не чисты, то не хватайте ими людей более чистых, каковы по вашему, да и по нашему мнению — сербы. А коли и сам бог не предоставляет вам хватать их с успехом, так уж и бросьте эту замашку, за которую, по вашим же словам, «бог поразил» вас.

Так вот, заключают наши старейшины, не впадайте в тройственную гордость, братие наши сербы, и держитесь «братолюбия». Что ж, это хорошо. Только не стоило из-за этого писать послание на двух языках. Сербы, пожалуй, ждали от вас совета, имеющего близкое соотношение с их частными обстоятельствами; а вы им проповедуете пользу смирения и братолюбия. Этак я, пожалуй, стану писать увещательные послания к каким хотите народам, например: «милые братья бельгийцы! Будьте смиренны и братолюбивы», — и, пожалуй, перевод сделаю на их язык; точно так же обращусь и к чувашам, и к англичанам, и к бразильцам, и к мадагаскарцам: «милые братья, будьте смиренны и братолюбивы». А написавши дюжину таких посланий, обращусь к нашим старейшинам и возглашу им: «милые братья! будьте братолюбивы; скажите мне, прилично ли человеку в здравом уме обращаться к целым народам с нравочужениями, которые у каждого народа давно уже написаны в его азбуках и из которых нельзя выжать ничего живого?» Но слушаем далее: «милые братья сербы, — говорят им наши московские старейшины, —

сколько в летописях ваших междоусобного кровопролития, братоубийств и даже отцеубийств, чем и язычники гнушаются!» А ведь это все «пороки», — хорош «порок», отцеубийство! — По-русски-то говорить выучились бы вы, милые московские братья. — За такие пороки «господь бог наказывает», назидают наши старейшины сербов. — Вот в самом деле новость-то сказали они сербам, что господь бог не велит сыну убивать отца. А не мешало бы тоже объясниться относительно других «пороков», что, дескать, и людоедство дело нехорошее, и идолопоклонство нехорошо; — да помилуйте, преданы ли сербы таким «порокам»? Разве они, в самом деле, имеют, что ли, привычку резать своих отцов, как баранов, или занимаются междоусобиями? Ведь то, от чего вы предостерегаете сербов, было еще при Стефане Душане ⁴ и до него, в те времена, как русские поклонялись «Хорсу, и Мокоши, и Симарглу, и Вилам, и Берегьяням!» ⁵ Какое отношение подобная давным-давно забытая народом старина имеет к нынешним обстоятельствам? «Это говорим мы (то есть предостерегаем вас, сербы, от порока отцеубийства), конечно, не с тем, чтобы оскорбить вас, наших дорогих и уважаемых братьев, но с тем, чтобы, уразумев свои вины, вы стремились вперед ко всякой добродетели», — заключают наши самозванные старейшины. Ах ты, господи милостивый! — да ведь этак, пожалуй, они могут и на нас с вами, читатель, накинуться за то, что Святополк Окаянный убил Бориса и Глеба ⁶, да еще прибавят, чтобы мы не обижались этим назиданием, а стремились вперед ко всякой добродетели. Но, укорив сербов за замеченную в них склонность к отцеубийствам, наши старейшины не лишают их и своего одобрения. «Вы все-таки, — говорят они, — народ хороший (с склонностью-то к отцеубийству?) и счастливый: сами вы еще не знаете, как вы счастливы и как велики ваши преимущества перед другими народами», — так буквально и сказано «преимущества», — ну, как же это научить людей смирению, толкуя им, что они преимуществуют перед другими людьми? — Так вот, говорят, мы укажем вам ваши преимущества и блаженство.

«Первое, важнейшее и неоценимое счастье ваше, сербы, — это единство ваше в православии, то есть в высшем знании и в высшей истине, в корне всякого душевного» и т. д., — это все хорошо, только вот в чем дело: именно этого-то единства и нет в сербском народе. Наши самозванные старейшины и наставники сербов забыли, что в Босне есть очень много сербов-мусульман. А еще вот что: чем отличаются от сербов кроаты? Ведь они чистейшие сербы и по языку, и по всему, а разнятся от других сербов только своим католическим исповеданием. Да ведь этак, пожалуй, я скажу, что все немцы — протестанты; надобно только будет не считать немцами тех племен немецкого народа, которые держатся католического исповедания. Точно таким спо-

собом наши старейшины достигают возможности сказать сербам: «таково ваше единство в вере, что слова *серб* и *православный* кажутся однозначущими».

Слушайте же, что выходит из понятий, внушаемых сербам самозванными русскими старейшинами: «здоровое общество гражданское основывается на понятии его членов о братстве, правде, суде и милосердии; а эти понятия не могут быть одинаковыми при различных верах. И у христиан, кроме истинной православной церкви, нет ни вполне ясного понятия, ни вполне искреннего чувства братства». Этого понятия не может быть ни у папистов, ни у реформатов. «Оттого и славянин вполне славянином вне православия быть не может». Итак, не говоря уже о поляках, специально порицаемых людьми подобного воззрения, лужичане, словаки, чехи, хорутане, кроаты не должны считаться вполне славянами. Каково чувство славянской любви у господ, держащихся такого взгляда! Но они хороши тем, что не хотят оставлять своих прекрасных чувств только бесплодными чувствами, — они советуют сербам устроить государственный быт по этим понятиям, совершенно соответствующим духу папы Иннокентия III, так отлично понимавшего отношения альбигойцев к другим французам⁷. Кто не принадлежит к православной церкви, говорят сербам наши старейшины, тот у вас «да не будет уже ни законодателем, правителем, ни судьей, ни членом общественного схода: ибо иная совесть у него, иная у вас. Поэтому иноверец не должен быть полноправным гражданином или сыном великого сербского дома, судящим с братьями в делах общественных».

Этими понятиями был бы очень доволен герцог Альба; ими совершенно оправдывается Филипп II испанский⁸. Но в нынешнее время они совершенно неудобоприменимы. Возьмем самые простые случаи. Положим, у сербов война с турками. К сербам являются храбрые волонтеры из Англии, Франции, из Чехии: отвергнут ли сербы готовность этих волонтеров умирать за святое дело сербской свободы? Неужели, например, греки во время своей войны за независимость должны были отвергнуть Байрона и его друзей⁹, которые ведь были не одного исповедания с греками? А если иноверные волонтеры приняты на службу и находятся между ними отличные офицеры, то как же не дать им голоса в военных делах? А ведь военные дела связаны с гражданскими делами; стало быть, и в гражданских делах иноверные офицеры будут иметь голос. В войске необходим суд. Кто офицер, тому в военное время часто приходится играть роль судьи; следовательно, волонтеры будут и судьями. Нет, сербы не должны допускать этого по решению наших старейшин; а не допустить этого нельзя иначе, как прогнав от себя волонтеров; итак, волонтеры должны быть прогнаны. Любопытно было бы знать, как думают наши старейшины о запорожских казаках, —

не отщепенцами ли от чистоты славянских начал, не врагами ли славянства представляются им запорожцы? Ведь запорожцы не разбирали, какой кто веры, лишь бы хотел он верно стоять за казацкое дело: в казацких рядах бывали не только католики и реформаты, бывали даже социниане¹⁰. [Попробуем приложить понятия наших старейшин хотя к русской истории. По их правилу не был бы русским генералом Барклай де Толли, не был бы русским адмиралом Грейг¹¹.] — Это о военных делах. Возьмем самый обыкновенный случай гражданского быта. Поселяется в сербском городе французский или английский негодянт и покупает себе дом. Он не должен иметь голоса в городских делах. Другой случай: католик и католичка, живущие в сербском городе, хотят повенчаться. Дозволителен ли брак между ними по законам католической церкви? Истолкователем католических церковных законов католический священник должен иметь православного судью или чиновника, потому что католики ведь не могут иметь ни судебной, ни административной власти у сербов. Или, может быть, и самая свадьба этих католиков по католическому обряду должна быть совершена православным священником? Оно по-настоящему так и следует из принципа наших старейшин. Ведь брак есть акт, касающийся гражданских и общественных отношений; для его совершения нужно лицо, власть которого признавалась бы обществом; а сербское общество не должно признавать никакой власти ни за каким иноверцем. Да, оно, повидимому, выходит так: крестить детей у католиков, венчать католиков, хоронить их должен будет православный священник. То же разумеи и о всех других иноверцах.

Трудная обязанность возлагалась бы на православного священника законом, составленным по принципу наших старейшин, — обязанность, которая противоречила бы его совести: совершать обряды чуждых ему исповеданий — католического, лютеранского, реформатского, совершать даже обряды мусульманские и языческие. У нас в России нет такого противоестественного требования от наших православных священников, но по принципу наших самозванных старейшин это должно считаться одною из «наших ошибок». Хотите ли знать другую нашу ошибку, или, вернее сказать, другое «наше безумие»? Извольте; это история длинная, но, наверное, она не будет скучна для вас, потому что очень оригинальна.

«Известно всем, что прежде императора Петра Первого берега Черного моря принадлежали Турции, и только одно устье Днепра было в руках русских казаков, наших братьев запорожцев. Не было у них кораблей, ни возможности строить корабли. На легких челноках, часто на однодеревках и душегубках, пускались они в бурное море, истари страшное мореплавателям, страшное даже и теперь, при всех усовершенствованиях, и тысячами налетали на берега вечных врагов имени христианского. От Батума до Цареграда гремела их гроза. Трапезунт и Синоп и самые замки Босфора дрожали перед ними. Турецкие флоты, смело гулявшие по Средиземному морю

и нередко грозившие берегам Франции, Италии и Испании, прятались в пристани пред лодками запорожскими. Не из хвастливости, но по истинной правде говорим мы: свидетелями нам самые турецкие летописи и еще теперь не забытые предания. Не было в целой Европе ни одного народа, который мог бы похвалиться такими дивными подвигами мужества на морях, — и опять без хвастливости можем мы сказать, что люди северные ничем не уступали своим южным братьям. Не следовало ли думать, что с такими людьми русский флот далеко превзойдет флоты других народов, когда лодки заменятся могучими и сильно вооруженными судами? * Такой успех был вероятен. Смело скажем, он был несомненен, но ожидания не сбылись **: в этом должны мы признаться, несмотря на бесспорное мужество наших моряков. Отчего же такая неудача? Отчего люди, далеко превосходившие на море всех своих соперников, стали едва равными им? Причина весьма проста. Они стали не теми людьми, которыми были прежде. Император Петр начал первый у нас строить большие корабли по образцу голландскому (и за то ему честь и слава!); но к разумному делу он примешал страшное неразумие. Название всех частей корабельных, все слова, относящиеся до мореходства, все слова команды принял он также от голландцев. Какие же вышли последствия? Этих немецких слов, этих названий, вовсе бессмысленных для русского уха и не представляющих ничего русскому уму, набрались тысячи. Теперь поступает на корабль будущий моряк, человек, которого бог одарил и ловкостью, и смелостью необычайною, человек, подобный тем, которые в старые годы на узких лодках громили берега Черного моря, потрясали Царьград и уничтожали флоты турецкие; но он теперь поступает не в моряки, а в школьники. Ему надо твердить тысячи бессмысленных и дико звучащих слов, — и в этом бессмысленном учении проходят года его горячей и живой молодости. Вместо любви к своему делу, вместо опытности моряка, он приобретает равнодушие и даже как бы отвращение от своего занятия, от своего корабля, от самого моря. Пройдут года, и морской богатырь обратится в полумертвый немецкий словарь. Правда, он будет исправлять свою обязанность, потому что он христианин и русский; но истинный моряк уже погиб в нем безвозвратно».

Этот прекрасный эпизод совершенно изменяет наш взгляд на дело — не о русском флоте, а о советах, даваемых сербам г. И. Аксаковым и компаниею. Читая свирепые советы отнять все политические права у иноверцев, читая фанатическое правило, что кто католик, тот уже не может считаться настоящим

* Милые братья русские, советователи сербов! Неужели вы не понимаете, что из храбрости в одном деле никак не следовало заключать об успехах в другом деле, совершенно различном? Ведь плавать на лодках по прибрежью — это не имеет ровно ничего сходного с искусством, какое нужно матросу большого военного корабля. Понимаете ли вы, милые братья, что хороший ящик может быть очень плохим машинистом, если его заставят возиться с локомотивом. Милые братья, поверьте, что это очень может случиться и что ничего удивительного тут не будет.

** Милые братья, да ведь кроме вас никому никогда и в голову не приходили такие неосновательные ожидания, что казаки окажутся подготовлены к матросскому искусству своими казацкими набегами. Иное дело беломорские рыбаки, к которым, вероятно, относится упоминание о каких-то северных людях, не уступавших южным: они хорошие моряки. Но, милые братья, ведь беломорские рыбаки составляют очень маленькую горсть людей. Если бы их всех поголовно забрать в матросы, то, может быть, не набралось бы из них полного экипажа на один линейный корабль. Милые братья, постарались бы вы понять, что сотни людей недостаточны там, где нужны десятки тысяч.

славянином, мы воображали, что слушаем извергов фанатизма, духовных потомков Торквемады¹² и герцога Альбы. Теперь обнаружилось, что дикую свирепость принимают они на себя только по своему ребяческому непониманию вещей — самых ясных. Отчего русский военный флот не так силен, как английский или французский? Да откуда же может взяться сильный военный флот, когда нет большого коммерческого флота? Ведь если нет коммерческого флота у какой-нибудь нации, это значит, что не развито у ней дело кораблестроения, нет у ней множества опытных моряков и хороших матросов; а если нация не имеет многочисленных матросов и не умеет строить кораблей, то каким же манером будет силен у ней военный флот? Ведь это вопросы вроде того, почему бывает плоха артиллерия у народа, плохо знакомого с литейным искусством, почему не подкованы лошади у народа, скудного железом, почему холодно зимою в нетопленных комнатах, почему бывает сумрачно, когда небо покрыто облаками, почему нельзя рубить деревьев там, где их нет, и т. д. и т. д. Наши мудрые советники, вероятно, отвечали бы на все эти вопросы в таком роде: в безлесном месте нельзя рубить деревьев потому, что английские купцы притесняют нас; в сумрачную погоду не светит солнце оттого, что немцы порицают наш климат, как слишком холодный; в нетопленных комнатах холодно оттого, что мы приняли чужую, немецкую физику, а не выдумали свою собственную; не имея железа, нельзя подковывать лошадей потому, что русская сметливость убита подражанием Западу; а без хороших литейщиков нельзя иметь хорошей артиллерии потому, что Петр Великий одел наших артиллеристов в иностранные мундиры. Право, так отвечали бы наши умные советники, — иначе не догадались бы они, что причиною всех недостатков нашего флота служит иностранная терминология в нашем кораблестроении. Какой ребяческий взгляд на вещи! — Берут в матросы на фрегат человека, который не видывал морских судов. Ему надобно узнать тысячи вещей, о которых он не имел понятия; у каждой вещи есть имя — ведь какое бы оно ни было, он приучится понимать его лишь тогда, когда узнает самую вещь. Вот, например, если мы с вами не видывали, как плетут лапти, знаем ли мы, что такое за штука «кочедык», которым плетут их, — решительно не знаем, хоть это слово и не голландское. А если бы мы вздумали научиться плести лапти, то изменился ли бы срок, нужный для достижения мастерства в этом занятии, каким бы именем ни назывался кочедык? А то вот еще: я не могу бить белок в глаз, как должен бить хороший охотник; отчего это происходит? Уж не оттого ли, что мудрены для меня слова — винтовка, порох, пуля, заряжать, стрелять? Назову винтовку ружьем, стану говорить «прикладываться» вместо «прицеливаться», — и тогда наверное не дам ни одного промаха по белке, хотя сроду не стрелял из ружья! Надобно полагать, что и в охот-

ничьем деле, и в матросском деле, как и во всяком другом деле, трудность состоит в хорошем ознакомлении с самими вещами и в достижении требуемого искусства обращаться с ними, а не в словах. Если б не самое дело было трудно для матросов, а только слово, матросы наверное придумали бы легкие слова вместо трудных; а если не придумали, значит, собственно словами-то они и не затрудняются.

Разгадка брошюры найдена: ребяческое непонимание самых простых вещей. Перечитываем с этою мыслью брошюру, дикость которой прежде вызывала у нас строгое порицание лицам, написавшим и подписавшим ее, — и, пересматривая ее с этой новой точки зрения, мы уже чувствуем умиление; да и как не чувствовать его, читая следующие советы, обращенные к целому народу с целью наставить его на путь политической мудрости:

«Счастье и благоденствие преисполнены соблазна, и многие, сохранившие достоинство в несчастьях, предались искушениям, когда видимое несчастье от них удалилось».

«Гибельное семя дает и гибельный плод».

«Гордость сил вещественных унижительнее, чем гордость умственная и гордость душевная».

«Успех в борьбе часто зависит от обстоятельств, которых самое отчаянное мужество победить не может».

«Телесное здоровье есть одно из лучших благ для человека».

«Наука расширяет пределы богом данного нам разума, уясняет наши понятия, просветляет наши умственные взоры, раскрывает тайны мира божьего и чудеса его творческой премудрости. Приобретать науку не только необходимо для жизни общественной, но и обязательно для исполнения воли божией, давшей нам разум как поле многоплодное, которое не должно лежать в залежи и порастать терниями невежества и ложных мнений, но украшаться жатвою знания и истины».

«Приобретение высшего нравственного развития есть высшая задача для человека».

«Гордость есть великий и гибельный порок».

«Честно и праведно сражаться за родину».

«Сохраняйте простоту своих нравов».

«В самых почестях и знаках отличия будьте осторожны».

«Общество отличает и награждает службу общественную, но это не должно подавать повода к тщеславию».

«Презирайте роскошь».

«Не смешивайте предметов, служащих к истинному удобству жизни, с предметами роскоши! Одни улучшают жизнь, как, например, лучшее освещение, крепкие и легкие ткани; а другие служат только к неге».

«Не употребляйте богатства на негу и роскошь».

«Показывая уважение к людям порочным, общество делается участником их пороков».

«Правда и милосердие в наказаниях заключаются в том, чтобы всякая ненужная жестокость была устранена, и чтобы невинный нисколько не страдал за виновного».

«Дайте совести место в суде гражданском».

«Да будет у вас правда выше всего».

«Всякая неправда — от лжи и темного духа».

«Обличайте неправду».

«Себялюбие говорит о праве; братолюбие говорит об обязанности».

«Уважайте своих пастырей духовных».

Такие назидания очень хороши в прописях; употребительны и в азбуках. Но напичкивать ими программу, которая составляется для руководства народа в государственной жизни, растягивать каждое из этих назиданий на целые страницы, и этими рассуждениями о вреде пороков и достоинствах добродетелей, о хороших свойствах правды и о дурных качествах дьявола, отца лжи, наполнять политический памфлет могут только люди, до крайности скудные разумением обстоятельств и потребностей исторической жизни, да и всяким разумением чего бы то ни было. Для того чтобы написать или подписать такую хрию, нужно стоять на той степени политического образования, на какой стояли Афанасий Иванович с Пульхерию Ивановною и Иван Иванович с Иваном Никифоровичем¹³. Приятно видеть, что и в таких людях существует склонность покаяться об общественных делах.

Но пусть бы они калякали между собою, в своем уголке, а не совались в наставники другим народам. Какое право имеют они срамить нас перед нашими славянскими братьями, выдавая себя перед ними за представителей русского народа?

Бедные люди! они не знают, что у последнего мужика в русской ли, в сербской ли земле, или в какой угодно другой земле, больше знания государственной жизни, больше способностей понимать политические дела, чем у них. Жалкие люди! они воображают, что постигли бог знает какую новую истину, додумавшись до того, что гордость вредна, а наука полезна, и с важным докторальным видом поучают сербов этой неслыханной между сербами премудрости. Понимают ли они, как оскорбительно должно быть для сербов подобное назидание?

Вообразите себе, что чехи вздумали бы написать к нам, русским, послание такого рода: «милые наши братья, русские! мы опычнее вас в государственной жизни. Потому послушайте наши братские предостережения и советы; узнайте, милые братья, что телесное здоровье есть одно из лучших благ для человека, потому старайтесь избегать болезней, не пресыщайтесь яствами; ибо многоядение расстроивает силы телесные; кроме того, оно

усыпляет силы душевные. Милые братья наши, русские! если неприятели нападут на вашу родину, то знайте, что вам надобно будет защищаться от них, ибо сражаться за родину есть дело честное и праведное. Но паче всего, о милые наши братья, сохраните чистоту нравов и не предавайтесь порокам, как то: роскоши, отцеубийству, братоубийству: вы, может быть, не знаете, что грешно заниматься разбоем, — спросите об этом своих пастырей духовных, которых уважайте, о милые братья», и т. д., и т. д. Что подумали бы мы, русские, прочитав такое послание к своему народу? Не знаю, как другие русские, а я до глубины души возмущен бы таким тупоумным высокомерием и почел бы людей, подписавших послание, ни больше, ни меньше, как самозванцами, которые только называют себя чехами, а на самом деле — готтентоты.